

RU

Инструментальная роль идей в преодолении ограниченной рациональности актеров современного общества

Равочкин Н. Н.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении и обосновании инструментальной роли идей для расширения поля рациональности актеров. Научная новизна статьи состоит в междисциплинарном рассмотрении вопроса с привлечением трудов современных российских и западных специалистов. Особое внимание уделено идейной динамике и происходящему по мере исторического развития контекстуальному обновлению первоначальных смыслов, которыми были наделены те или иные ментальные конструкты. В результате удастся репрезентировать значение идей для преодоления ограниченной рациональности актеров современного общества, что в целях выигрыша подразумевает перманентный характер обращения к различным ментальным конструктам.

EN

Instrumental Role of Ideas in Overcoming Bounded Rationality of Modern Actors

Ravochkin N. N.

Abstract. The paper aims to identify and justify the instrumental role of ideas in expanding actors' rationality. The author suggests the interdisciplinary approach to the problem, relies on the modern Russian and western researchers' works, which constitutes scientific originality of the study. Special attention is paid to the following issues: ideological dynamics and context reinterpretation of the mental construct initial meaning. The research findings are as follows: the author reveals the role of ideas in overcoming bounded rationality of modern actors. This problem can be solved by appealing to mental constructs.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном научном дискурсе сложилась «монополия» к объяснению действий актеров сугубо материалистическими позициями, да еще и с приписыванием субъектам неограниченной рациональности. Однако на практике можно убедиться в обратном: актеры зачастую имеют ограниченную рациональность, а детерминационные возможности идей постепенно выходят на первый план. Прагматический поворот, ознаменовавший практические ориентации целого ряда наук, главным образом восходит к праксиологии. В современном мире проблема использования ресурсов стоит наиболее остро, а общая стоимость желаемого результата возрастает с каждым днем. Не вызывает сомнений, что умение распоряжаться наличными у актора благами связано с рациональностью. Представители целого ряда социальных наук предлагают согласиться с ними в том, что любые субъекты обладают неограниченной, суть абсолютной, рациональностью, которая не предполагает никаких обращений к различным инструментам, способствующим ее совершенствованию. Дополнительные трудности создаются исследователями при построении односторонних материалистических интерпретаций, используемых для объяснения разнообразных социальных преобразований. Однако зачастую данные заявления не выдерживают сколь-либо серьезной эмпирической проверки. Известно множество примеров, когда отдельные государства обладают мощнейшими ресурсами, но на практике не знают, как оптимально их использовать, что и объясняет их «развивающийся» статус. Ранее мы неоднократно отмечали, что в современном мире интеллектуальные ресурсы становятся решающим фактором успеха. Бесспорно, что наиболее общей из множества форм объективации интеллектуальных усилий являются идеи. Настоящая работа посвящена разрешению противоречия между наличием многочисленного эмпирического материала, иллюстрирующего инструментальную значимость идей в вопросах расширения рациональности актеров, и явной недооценкой их роли.

Также отметим, что современная социальная философия и частные науки актуализировали вопрос о прикладном значении в связи с произошедшим идеационным поворотом. Однако проведенная нами аналитика целого ряда концепций, освещающих практическое применение интеллектуального потенциала продуцирующих идеи субъектов, хоть и дала позитивные сдвиги в теоретико-методологическом и прикладном аспектах, но несколько проигнорировала инструментальную роль ментальных конструктов для самих акторов. Дополнительную проблематику данного рассмотрения задает сам научный дискурс, который все чаще требует философского осмысления проблемы акторов, а также особенностей их взаимодействия друг с другом.

Итак, будучи участниками социальных процессов, акторы реализуют свои действия в соответствии с заранее заданной целью, осознавая при этом, что имеющиеся у них ресурсы ограничены, поэтому перед ними встает праксиологическая задача – оптимально использовать наличные средства. В такой логике объективируется ограниченная рациональность акторов, связываемая некоторыми исследователями с целесообразностью и эффективностью действий актора. Однако всегда следует помнить, что результативность их действий фундирована некоторой совокупностью интеллектуальных конструктов, что и определяет критерии достижения целей, тем самым позволяя определить общую эффективность применяемых ментальных конструктов. Любые идеи реализуются посредством человеческой деятельности и по-разному операционализируются в артикулируемых ими формулировках по поводу способов достижения желаемого результата, субъективно полагаемого акторами как максимально полезного. И теперь мы вправе говорить не только об идейной детерминации социальных процессов, но и о влиянии ментальных конструктов на деятельность самих акторов. Действительно, приобретая носителя, идеи содержательно определяют его действия, вдобавок к этому в них концептуализируются сами критерии эффективности итогового результата.

Достижение заявленной в названии статьи цели требует последовательного решения нескольких задач: 1) проанализировать и выявить специфику понимания ограниченной рациональности; 2) охарактеризовать влияние современных идейных проектов на социальное бытие; 3) эксплицировать роль идей как инструмента преодоления ограниченной рациональности акторов в контексте управления социальными процессами. Методы исследования: общенаучные методы, положения истории идей, социальный реализм Коллинза и принцип историзма. Теоретическая база исследования представлена современными трудами отечественных и зарубежных авторов: О. С. Анисимова [1], С. А. Бочан [2], И. Д. Джохадзе [3], Дж. Дьюи [4], В. В. Зинченко [5], В. А. Лекторского [6], С. Э. Мартыновой [7], В. М. Матиашвили [8], М. В. Осориной, О. В. Щербаковой, М. О. Аванесян [9], Г. А. Саймона [10], А. Ю. Скопина, А. И. Климова, Д. Г. Зайцева [11], Ю. В. Циплаковой [12]. Практическая значимость работы обуславливается возможностями применения результатов в прикладных социально-философских и частнонаучных исследованиях.

Теория ограниченной рациональности

В XX столетии представители Чикагской школы заявили о том, что современные индивиды обладают абсолютной, или неограниченной, рациональностью, поскольку их активность всегда будет приводить к желаемым и наилучшим результатам. Однако может ли найтись хоть один такой человек, который бы объективно и на протяжении всей своей жизни действовал так, чтобы его поступки исключительно приводили к оптимальным для него результатам? Многочисленные факты человеческого поведения свидетельствуют о том, что вряд ли на сегодня разработана и внедрена в практику такая инструментальная рациональность, которая бы обеспечивала беспрецедентный выигрыш всех акторов каких-либо общественных отношений. Действительно, даже в практике самых успешных агентов найдутся такие случаи, когда собственного бэкграунда было недостаточно для решения каких-либо нетривиальных проблем.

Уходя в рассуждения по поводу ограниченной рациональности акторов, сошлемся на концепцию Г. А. Саймона. Содержательно понятие «ограниченная рациональность» включает в себя смысл априорных сдерживающих факторов поведения людей и функционирования различных объединений (группы, структуры, институты) [10]. При создании оснований данного понимания Саймон обращается к институционалистской методологии, показывая, что в первую очередь рациональность акторов следует увязать с экономическим выигрышем. В то же время, наблюдая широкое применение положений теории игр в общественной жизни, считаем логичным не оставить такое понимание только лишь в рамках экономики, но в целях решения социально-философских проблем распространить его на другие сферы человеческой активности. По нашему мнению, это допущение в значительной степени позволит определить принципы организации активности акторов, поскольку повлечет за собой необходимость эффективного использования любых ресурсов. Своеобразным резюме саймоновской теории становится признание эффективности тех действий, которые в полной мере позволяют актору реализовать свой потенциал, что и повлияет на их дальнейшие практические действия, совершаемые в уникальных контекстуальных условиях.

Становится понятно, что саймоновская концепция выстраивается, прежде всего, с опорой на теорию прагматического действия Ч. С. Пирса, в рамках которой мышление человека и любая форма деятельности направлены на достижение практически значимого результата. Последним полагаем ту конечную цель, к которой стремится каждый актор, но изначально он формулирует и определяет ее посредством всего множества устойчивых верований, приобретенных в процессе жизнедеятельности. По мнению Пирса, сомнение, как противоположное верованию состояние, влечет за собой нежелательные заминки в действиях. Это означает, что сомневающийся человек не совершает полезной для себя активности, которая бы позволила ему достигнуть поставленных

целей. В конечном счете, налицо формирование препятствий к реализации запланированных действий и получению ожидаемых результатов. Поэтому в логике прагматизма необходимость избавления от существующих сомнений-заминок самоочевидна. Аналитика пирсовской концепции, предпринятая И. Д. Джохадзе, позволяет установить, что для достижения поставленных целей основоположник прагматизма предлагает использовать один из четырех инструментов: метод (1) упорства (желание действовать в соответствии раз и навсегда выбранным взглядом); (2) авторитета (следование образу мыслей конкретного лица, пользующегося доверием); (3) априори (принятие положений, которые согласуются с рациональными основаниями); (4) науки (метод экспериментальной проверки знаний) [3]. При этом четвертое средство представляется наиболее эффективным, поскольку именно наука способна получить не только необходимые знания, но и возможные следствия об объекте, что в полной мере раскрывает информацию о его содержании.

Стало быть, мы видим, что ограниченная рациональность акторов может быть преодолена путем концептуализации конкретных оснований в форме идей, дающих возможность определить содержание будущих действий для эффективного достижения желаемых результатов. При этом верование как форма познавательной деятельности расценивается исключительно с точки зрения эффективности для интеллектуальных возможностей актора. Также мы считаем, что следует разделять процессуальные и содержательные моменты любого действия. Рациональность акторов резонно интерпретировать через утверждения не только по поводу их субъективных способностей предвидеть возможные последствия своих действий, но и также умений выбора необходимых для достижения поставленных целей методов. Иными словами, рациональность может быть понята в качестве свойства индивидов, которое отражает их стремления к максимизации полезности и успешности совершаемых действий [10, с. 17]. Отдельно сделаем акцент на том, что практическая философия, вероятнее всего, настаивала бы на функциональном подходе к пониманию рациональности. В представленном случае суть последней можно уложить в различные формы социального обмена как баланса «стимулов и вкладов». Речь идет о том, что в процессе социального взаимодействия любые акторы как участники интеракции стремятся получить нечто, что будет ценным именно для них. Однако они понимают, что по итогу у них появится необходимость уступить чего-то значимого для другого участника – и это в свою очередь повлечет за собой необходимость обмена ценностями и придаст обязательность вкладам, совершаемым участниками социальных интеракций.

Представленный функциональный анализ является важным дополнением, поскольку позволяет описать деятельность субъектов не только с точки зрения достижения целей и решения задач, но и посредством проведения интеграционных общесоциальных процессов, позволяющих акторам адаптироваться к актуальной среде: «Институты функциональны, если здравомыслящие люди создали и поддерживают их для удовлетворения общественных потребностей или достижения общественных целей» [Там же, с. 19]. Приведенная цитата обосновывает идейный фундамент функционирующих институтов, ориентированных на практическую полезность, а в зависимости от диагностики их состояний мы, при руководстве, конечно же, определенными критериями и параметрами, можем определить степень рациональности самих институтов и даже выявить стремления сформировавших их людей. Таким образом, именно обращение к некоторой совокупности связанных с решением имеющейся проблемы идей способно трансформировать представления акторов и помочь им в выборе более уместных методов, существенно влияя на рациональность их действий и тем самым способствуя повышению эффективности принимаемых решений.

Современные идейные проекты

Отталкиваясь от приведенных выше рассуждений, аксиологически конгруэнтными и своевременными для своей эпохи выглядят идеи теории общественного договора. Сформулированный отцами либерализма контракт имел вполне ощутимые материальные основания для своего воплощения в пространстве европейских государств, предлагая людям безопасность, избавление от необходимости постоянных защит со стороны агрессоров и многое другое, что действительно было соразмерным отчуждению лишь незначительно части прав для его достижения. В рамках постиндустриальных моделей социума рациональность акторов уже попросту немислима без апеллирования к плюрализму идей, априори необходимых для принятия сколько-нибудь взвешенных решений и обоснованных действий в реалиях нелинейной динамики. Знания, интеллект и креатив – вот актуальные императивы настоящего, без которых немислимы практические навыки создания и использования современных технологий как коррелята самостоятельности, суверенности и активности субъектов деятельности. Более того, идеи обуславливают структуру и влияют на всю логику социальной среды «как совокупности факторов, способствующих реализации индивидуальных жизненных стратегий» [7, с. 67].

Джон Дьюи также считал, что социальная жизнь напрямую связана с обучением, которое никоим образом не может быть связано с такими процессуальными формами, как заучивание заранее заданных решений или же аудиторный анализ условий задачи. По его мнению, гораздо эффективнее формировать такие условия и задавать такие задания, которые бы обучаемые могли выполнять шаг за шагом путем принятия собственных авторских решений [4]. Применительно к этому целесообразно обратиться к Ж.-Ж. Руссо, который отмечал разницу между врожденными способностями людей, следовательно, персонально ориентированное обучение не менее чем витально. В конечном счете, это позволит акторам самостоятельно выбирать то или иное поле идей, которые уместны при решении задач в конкретных ситуациях, а значит, необходимо искать и оттачивать не единственно верное решение «на всю жизнь», но пополнять и обращаться к своему опыту. Адаптация идей к контекстуальным реалиям свидетельствует о том, насколько человек оптимально использует собственные

интеллектуальные ресурсы в целях получения максимальной эффективности от выполняемой им деятельности [5]. Дьюи писал, что «социальная среда формирует интеллектуальные и эмоциональные установки поведения у индивидуумов путем вовлечения их в деятельность, которая поддерживает и усиливает определенные побуждения, имеет определенные цели и влечет определенные последствия» [4, с. 21]. Таким образом, инструментальная роль идей в данном случае будет выражаться в том, что применение конкретных навыков и знаний реализуется в форме социально значимых форм поведения лишь в таких ситуациях, если используются сформированные субъективные свойства актора как участника определенного взаимодействия. Использование заранее заданных схем достижения результата, равно как применение различными людьми одних и тех же метод или же поведенческих паттернов, бессмысленно и неэффективно, поскольку не учитывает особенностей и не позволяет ранжировать значимость каких-либо факторов для человека.

Выходит, что ментальные конструкты благоприятствуют самореализации обращающихся к ним и тем самым преодолевающих свою ограниченную рациональность деятельным акторам и её осуществлению с максимальной прагматикой. Это объясняется тем, что комбинации и модификации идей попросту позволяют создать новые направления деятельности, в которых акторы взаимодействуют между собой на основании рациональных принципов – диалогичности и коммуникативного равноправия [6, с. 215]. Имеет смысл отметить, что отныне рациональность акторов в системе социальных связей и отношений фундирована утилитаристским подходом, настаивающим на максимизации получаемого результата для всех заинтересованных сторон. Смысл этого утверждения заключается в поиске идей для создания таких алгоритмов действий, с помощью которых участники получают желаемый, не всегда экономический, результат при минимальных издержках. Однако на практике это подразумевает некоторую селекцию идей, синтез которых при адаптации к конкретной сфере взаимодействия на практике позволит получить максимальный для участников эффект.

В реалиях настоящего описанные нами механизмы выхода за границы рациональности акторов, стремящихся к максимизации эффективности своей деятельности, уже привел к переформулировке базовых кодов общества. В самом деле, идеи как интеллектуальные конструкты, как знания в какой-либо сфере, выстроенные в структуры и имеющие логику собственного понимания, напрямую сказываются на повышении уровня образованности. Восприятие и интерпретация идей, их усвоение и соединение в системы осуществления акторами действий впоследствии ложатся в основу поведенческих стратегий, конституируют умения и навыки прогнозирования последствий принимаемых ими решений [1]. Признавая такую инструментальную роль идей, напрямую сказывающихся сегодня на формировании общества и его структуры в условиях нелинейной динамики, мы тем самым признаем необходимость чуть ли не перманентного изменения и/или пересмотра интеллектуальных оснований современного социума в целях развития последнего. Доказать этот тезис можно следующим рассуждением. В условиях стремительного устаревания одних знаний важно продуцировать такие идеи, которые бы заменили собой бывшие когда-то успешными варианты поведения акторов. Сегодня создание социальных идей предполагает, прежде всего, постепенное выстраивание новых базисных функций, неизбежно появляющихся на фоне качественно других социальных связей, которые позволяют определить степень эффективности перехода общества от одного состояния к другому. По сути, осуществление направленных на преобразование действий в этой логике и позволяет акторам выходить за границы собственной рациональности, очерчивая при этом новые пределы.

Стоит согласиться, что фактически мы наблюдаем следующую картину: сегодня целеполагание, выработка креативных механизмов решения задач, технологизация процессов производства на деле всегда находятся в развитии, подключая для этого лучшие умы и целые лаборатории, что и высвечивает суть рациональности в постиндустриальном обществе [2, с. 375]. Уместным выглядит замечание С. Э. Мартыновой по поводу того, что «рациональность современного индивида развивается в целях реализации собственных жизненных стратегий и под влиянием распространения цифровых технологий» [7, с. 69]. В самом деле, в реалиях настоящего активно действующие субъекты мотивированы к поиску ресурсов в виде знаний, которые они получают через знакомство с определенными идеями, – и все это, безусловно, ради достижения конкретных целей. Разумеется, что любые цели уместаются в бинарную оппозицию «бескорыстное служение – максимальная выгода», однако именно эта дихотомия наилучшим образом позволяет экстраполировать выводы о роли идей и на деятельность коллективных акторов.

Управление социальными процессами и их идейная детерминация

В литературе по проблеме управления социальными процессами признается существование двух соперничающих методологий, раскрывающих принципы принятия решений в различных областях человеческой деятельности. В частности, выделяются нормативистская и дескриптивная концепции принятия решений и управления результатами активности. Первая из них содержит принципы действия акторов и определяет место идей как логически и разумно обоснованных конструктов, детерминирующих модели поведения и таким образом сказывающихся на специфике общественных связей и отношений в сопряжении с ограниченной рациональностью. В целом нормативисты отмечают, что идеи не позволяют в полной мере объяснить возможные действия людей, поскольку функционализм деятельности акторов, соответствующей интеллектуальным идеям, в неполной мере отвечает интересам людей. Дескриптивная методология в качестве оснований принятия решения о совершении конкретного действия усматривает нерациональные причины. Задачи по принятию решений и совершению действий всегда имеют субъективный образ. Естественно, что объективные факторы имеют место

быть, сказываясь на представлениях субъектов, однако сторонники данного подхода не признают их определяющего характера для активизации действий.

Развитие социальных запросов на рациональность акторов приводит к генезису множества используемых в социальном взаимодействии идей, что формирует способности участников интеракций иметь вес в актуальных условиях [9]. Отсюда следует, что рационально обусловленные идеи играют не только привычную для многих теоретико-познавательную роль, но и обладают достаточно высоким прикладным значением. Так, игнорирование ключевых идей, связанных с актуальными практиками, отчуждает индивида и, как правило, сказывается на неспособности к эффективному достижению целей в весьма долгосрочной перспективе. Отдельно отметим, что идеи, отражающие стремления достижения каких-либо целей, на практике всегда будут отличаться от своего замысла, а конечный практический результат правильнее интерпретировать как некий «вариант нормы идеального». Однако такое понимание хоть и зачастую умалчивается, но репрезентирует прагматику действий человека, строящего свои планы в реалиях своей ограниченной рациональности – и поэтому он может вовсе не учитывать влияние каких-либо факторов и/или неадекватно оценивать собственный потенциал, что также искажает его «идеальный замысел». Итак, мы видим, что человеческий фактор оказывается столь же важным при формировании идеи действия, как и сами внешние признаки складывающейся ситуации. Реализация идей в формах конкретных достигнутых результатов позволяет определить, в каких случаях они сыграли свою инструментальную роль и помогли акторам выйти за границы собственной рациональности.

Получается, что совершение сколь-либо обдуманного действия означает, что в его основании вкладывается некий прикладной смысл, понятый актором из интерпретации той или иной идеи. Объективированные основания реализации идей дополняются субъективными основаниями в форме психологических и социально-культурных причин-возможностей. В итоге на практике это оформляет два источника будущих правил, которыми будет руководствоваться актер: 1) собственные успешные практики; 2) поступки и методы «учителей», которыми, в логике сетевой теории Коллинза, могут стать абсолютно любые участники социальных взаимодействий.

Разумеется, получение собственного успешного опыта – это всегда совершение проб при некотором количестве ошибок и выходом за рамки той «зоны комфорта», которые очерчены исходной рациональностью актора [11]. Важно отметить, что использование только лишь чужих социальных практик чревато порождением чуждой нормативности поведения, что на деле окажется не столь эффективным ресурсом, нежели использование пережитых и выработанных самостоятельно. Именно поэтому значимым моментом является то, что уже выработанные одними субъектами социальные практики различной эффективности подлежат адаптации сквозь призму личностных установок, что и позволяет тем или иным актерам выработать собственные методы и пути достижения успеха. В целом же можно утверждать, что обращения к идеям как интеллектуальным основаниям необходимо индивидам для более эффективного сообразования практик поведения под актуальные контекстуальные условия в зависимости от собственных идеалов.

Отдельно следует сказать, что воплощения идей в форме институтов и практик формируют конкретные механизмы коллективной деятельности, которые становятся социально одобряемыми образцами действия. Успешные практики могут быть поняты как хабиитуализированные способы поведения, которые позволяют достичь поставленных целей. Они становятся источниками правил, образцами действия, поскольку напрямую определяют возможности реализации потенциала людей. Таким образом, идеи, которые определяют нормативную сторону коллективных социальных практик, представляют собой более устойчивые варианты эффективного поведения акторов. Можно утверждать, что такие ментальные конструкты неотъемлемым образом связаны с действиями человека в долгосрочной перспективе, поскольку они будут сообразовывать его действия, допуская или запрещая неизбежно отклоняющееся от эталонной модели поведения. В таком случае эффективность взаимодействий участников будет определяться математизированными и дескриптивными основаниями.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. В теоретических построениях, освещающих ограниченную рациональность, в частности, концепции Г. А. Саймона, наблюдаются сугубо экономические ориентации, предполагающие исключительно материальный выигрыш акторов. Однако генетическое восхождение к философии прагматизма способствует формулированию допущения применимости ее положений во всех остальных сферах общественной жизнедеятельности. Во многом такое предложение по ее использованию связано с установками социальной философии на исследование и обобщение разнообразного опыта как основного предметного поля для вдумчивого и глубинного анализа в целях вскрытия и установления качественно новых связей.

2. Идеиные проекты в реалиях современного мира подвергаются интерпретациям, основными последствиями которых становятся контекстуальные смыслы. Также доказано, что императивы современного общества во многом предопределили перманентность обращения к идеям для регулярного преодоления ограниченной рациональности акторов, в которой они неизбежно окажутся при игнорировании новых знаний.

3. Возможности акторов по поводу осуществления ими идейной детерминации социальных процессов во многом зависят и от их интеллектуальной зрелости, поскольку требование по регулярному выходу за пределы «зоны комфорта» является определяющим при оптимальном использовании ресурсов. В конечном счете, именно интеллект определяет реализацию экономического, политического и прочего потенциала в аспекте достижения поставленных целей. По мнению автора, обращение к идеям во всем их многообразии является

полновесным и противоположным одним лишь материалистическим объяснениям реализации социального успеха и во многом проверяет априори невозможную на практике полную рациональность акторов. Идеи как ментальные конструкторы позволяют актерам не просто принимать во внимание, но и соотносить эффективность своих идей, что главное, с опорой на собственные ресурсы.

Говоря о перспективах дальнейшей разработки выбранной тематики, полагаем, что результаты настоящего исследования окажутся полезными в целях создания более валидных и связанных с практикой социально-философских обобщений. Кроме этого, основные положения данной статьи могут быть дополнены частными эмпирическими исследованиями, посвященными, к примеру, сопоставлению эффективности действий с точки зрения соотношения потерь и приобретений. Подобный анализ способен высветить эффективность действий акторов в зависимости от их зрелости и ранжирования по сферам активности. Наконец, операционализация ключевых понятий посредством методов лингвистического анализа дает возможность увидеть, какие же именно идеи и в какой конкретно социокультурной среде становятся важным дополнением, позволяющим преодолеть ограниченную рациональность акторов и тем самым наиболее эффективно реализовать имеющийся у них потенциал.

Источники | References

1. Анисимов О. С. Эффективность стратегического мышления и «разумная» мыслетехника // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2016. № 1. С. 64-71.
2. Бочан С. А. Роль информационной культуры в развитии личности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 16. № 40. С. 374-378.
3. Джохадзе И. Д. Прагматизм // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 231-243.
4. Дьюи Дж. Демократия и образование. М.: Педагогика-Пресс, 2000. 383 с.
5. Зинченко В. В. Социальный инструментализм прагматизма и специфика неопрагматистской модели в философии образования, аксиологии и концепциях менеджмента // Перспективы науки и образования. 2013. № 3 (3). С. 25-37.
6. Лекторский В. А. Диалог рациональностей: круглый стол во время Всемирного дня философии в Москве (17-18 ноября 2009 г.) // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 24. № 2. С. 215-219.
7. Мартынова С. Э. Рациональность актора постиндустриального общества: истоки и следствия для конструирования социальных технологий управления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2018. № 3. С. 66-77.
8. Матиашвили В. М. Концепт «ограниченной рациональности» в контексте управления организационными изменениями // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2015. № 1 (37). С. 148-154.
9. Осорина М. В., Щербакова О. В., Аванесян М. О. Проблема метакогнитивной регуляции: нормативные требования и непродуктивные паттерны интеллектуальной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 2. С. 32-43.
10. Саймон Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Т. 1. № 3. С. 16-38.
11. Скопин А. Ю., Климов А. И., Зайцев Д. Г. Акторный подход в современных социальных науках: экономике, социологии и политологии [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/3aiQWPK> (дата обращения: 12.03.2021).
12. Циплакова Ю. В. Инструментализм Дж. Дьюи: PAIDEIA по-американски // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. № 2. С. 75-82.

Информация об авторах | Author information

Равочкин Никита Николаевич¹, к. филос. н.

¹ Кузбасский государственный технический институт имени Т. Ф. Горбачева;
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово

Ravochkin Nikita Nikolaevich¹, PhD

¹ Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev;
Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo

¹ nickravochkin@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.04.0021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): идея; рациональность; актер; современное общество; институт; idea; rationality; actor; modern society; institution.